2016.01.034. КОНИСИ СЁ. ТРАНСЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МИРОПОРЯДОК: ЯЗЫК БЕЗ КУЛЬТУРЫ В ЯПОНИИ ПОСЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.
KONISHI SHO. Translingual world order: language without culture in post-russo-japanese war Japan // J. of Asian studies. – Cambridge, 2013. – Vol. 72, N 1. – P. 91–114.

Ключевые слова: Япония; эсперанто; пацифистское движение.

Кониси Сё (Оксфордский университет) исследует эсперантистское движение в Японии и влияние, которое оказали на него отношения с Россией в начале XX в., а также пацифистское движение.

Об эсперанто в Японии узнали широко в 1906 г. и сразу же он приобрел значительную популярность: центральная газета «Асахи» отмечала, что этот искусственный язык является главной модой года (наряду с популярным песенным жанром *нанива-буси*). В кратчайшие сроки было издано девять учебников, а также эсперанто-японский словарь. Автором одного из учебников стал известный писатель эпохи и пионер японской современной литературы Футабатэй Симмэй. Эсперанто в той или иной степени занимались многие значительные деятели того времени: журналисты, публицисты, писатели, политические фигуры различных направлений, ученые. При этом язык не преподавался ни в каких учебных заведениях (включая высшие) и его распространение носило сугубо неофициальный характер, охватив разные, в том числе не привилегированные слои общества. Ассоциацию эсперанто в 1906 г. основал анархист Осуги Сакаэ. Однако движение эсперантистов оказалось шире деятельности этой организации.

Принято считать, что успех в Русско-японской войне подстегнул националистические настроения в Японии, но распространение эсперанто сразу после нее, скорее, говорит о том, что одновременно с националистическим существовало и значительное космополитическое движение. Движение эсперантистов, тесно сопряженное с антивоенным, нельзя отнести ни к европоцентричным, ни антизападным, поскольку, призывая к деколонизации, его представители не выступали за последующую передачу власти местной национальной элите, а выдвигали идею единства всех народов. В равной степени распространено клише о росте интернационалистических настроений после Первой мировой войны и создания

Лиги Наций, что также, по мнению Кониси, опровергается популярностью эсперанто за десяток лет до этого.

Значение, которое придавали эсперанто люди его изучавшие, передано в определении, специально изобретенном для него: эсперанто называли «мировым» (*сэкайго*), либо «международным языком» (*минсайго*), чтобы подчеркнуть отличие от термина «язык межгосударственного общения» (*кокусайго*), который использовался для распространенных в международной дипломатии языков. Он преподносился как язык общения «простого народа» (яп. *хэймин*) с представителями других этносов. И именно развитие этой идеи «простого народа» необходимо проследить, чтобы понять связь между эсперантистами и пацифистами.

В ее формировании не последнюю роль сыграла Русско-японская война, во время которой в Японии впервые появились идеи пацифизма и мирное движение. Термин «*хэймин*» противопоставлялся пацифистами другому термину – «*кокумин*», также обозначающему «народ», «этнос», однако привязанный к какой-то территории, государству (первый иероглиф *коку* обозначает «страна», «государство»), и активно использовавшемуся в официальном языке. «Простой народ» в рамках пацифистского движения противопоставлялся как «народу», представителю класса трудящихся в марксистском понимании, так и «народу» как основному носителю власти в национальном государстве, поскольку первый был ограничен классовыми, а второй этническими интересами, неизбежно сеющими вражду. Примечательно, что пацифисты не оценили ни заключение Портсмутского мира, ни усилия, приложенные к этому Т. Рузвельтом, поскольку данный мир только укреплял систему национальных государств, разъединяющую людей и подстегивающую конфликты. Неслучайно название печатного органа пацифистов было «Еженедельная народная газета» (яп. «*Сю: кан хэймин симбун*»). Существовало также определение народа «*хэймин*» как включавшее всех людей, не входивших в какие-либо клики, которых пацифисты насчитывали шесть: политические партии, капиталистическая элита (представители *дзайбацу*), ученые и интеллектуалы, религиозные лидеры, аристократия и представители бывших самурайских кланов Сацума и Тёсю. Эти клики, по мнению представителей антивоенного движения, были главной опорой

национального государства, а также входили как составная часть в мировую систему и поэтому способствовали развязыванию войны.

Основные идеи пацифистов сформулировал Котоку Сюсуй (1871–1911), убежденный сторонник «свободного союза всех индивидов», в своей работе «Империализм, чудовище XX века». Истинным основанием для международного взаимодействия, по мнению Котоку, должно было стать сострадание, эмпатия, врожденно присущая всем людям, только при таком условии мог бы быть достигнут прогресс человечества. Национализм и патриотизм Котоку объявлял продуктом идеологии, противоестественными эмоциями, прогрессу не способствовавшими, а идеалы, которые Япония преследовала, участвуя в войне, были не более чем утопией. Примечательно, что уже в этот период Котоку отмечал, что борьба за территориальные приобретения, которые были главной целью Русско-японской войны, в перспективе приведет Японию к конфликту с США за контроль над Тихоокеанским регионом.

В рамках системы национальных государств, по мнению пацифистов, мир был мало отличим от войны и являлся лишь этапом, передышкой в нескончаемой борьбе интересов. Кониси отмечает, что вопреки распространенному в академической литературе мнению, что пацифизм и социализм в Японии начиная с эпохи Мэйдзи были не более чем калькой с западных аналогов, данные идеи Котоку и пацифистов вряд ли могли быть заимствованы с Запада. В частности, японские пацифисты не считали европейский пролетариат главным носителем прогрессивных идей, а также отрицали неизбежность войны на империалистической стадии развития капитализма. В фокусе их дискуссий была не классовая борьба, а более широкие вопросы этики, влияния войны и мира на повседневную жизнь простых людей, единства народных масс.

Во время войны «Еженедельная народная газета» составляла определенную конкуренцию официальной пропаганде, изображая русских не врагами японского народа, а лишь орудием в руках собственной элиты. Помимо этого пацифистами издавались переводы русской литературы, а также статей на антивоенную тематику. Стараниями Футабатэй Симмэй и других переводчиков именно во время войны были изданы произведения Толстого, Горького, Достоевского, Тургенева, Андреева.

Идеи пацифистов о «простом народе», не привязанном к территории и этносу, предвосхитили и вдохновили эсперантистское движение. Существенным отличием эсперанто от английского или французского было то, что его изучала не только привилегированная элита, но представители самых разных категорий населения, включая рабочих, фермеров и мелких служащих.

Первая встреча эсперантистов в Токио в 1906 г. собрала 130 участников, в следующем году их было уже 300 (с. 99). Более скромные кружки появились в том же году во многих других городах, например, в Нагое и Кобэ. И именно от этих кружков, считает Кониси, началась подлинная популярность эсперанто. Так, только в Нагое было напечатано и раскуплено 11 000 экземпляров учебников (при том, что они часто передавались из рук в руки) и функционировала радиостанция, вещающая на эсперанто (там же).

Эсперанто привлекал пацифистов, поскольку не был привязан к какой-то конкретной нации, культуре, территории и именно поэтому, казалось, мог действительно объединить народы. Дополнительным стимулом были предельная простота и математическая логичность грамматики.

Собственно язык, по мнению эсперантистов, был мощным инструментом как объединения, так и разобщения людей, мог служить для порабощения одних другими. Так, японский язык, вокруг изучения которого строилась значительная часть школьного преподавания, отделял японцев от других народов и в то же время насаждался в колониях насильственно и таким образом служил для порабощения их жителей. Литература также считалась мощным политическим инструментом, именно поэтому эсперантисты столь большое значение придавали переводам. Литература и международный язык, соответственно, считались главным залогом успеха пацифистского движения.

Любопытным образом эсперанто действительно, хоть и косвенным образом способствовал становлению современного литературного японского языка, поскольку Футабатэй Симмэй, собственный стиль которого оказался под большим влиянием этого изобретенного языка, был исключительно популярен среди начинающих писателей именно благодаря оригинальному литературному языку и служил одним из главных образцов для подражания.

В рамках этого космополитического движения существовало, к примеру, женское крыло. В 1907 г. при поддержке Футабатэй Симмэй Исикава Сансиро и Фукуда Хидэко основали журнал «Сэкай фудзин» («Женщины мира»). Помимо собственно вопросов эмансипации на его страницах также активно пропагандировались идеи пацифистов.

Эсперантистское движение в Японии существенно отличалось от европейского. Среди европейских эсперантистов господствовал, скорее, практический и научный взгляд на этот язык. Кроме того, европейцам не были чужды идеи лингвистического расизма: считалось, что европейские языки являются более совершенными, так как призваны передать более сложные, абстрактные понятия, и эсперанто является вершиной и торжеством западной лингвистики. Японские эсперантисты, напротив, считали, что этот язык должен уравнять людей. В частности, уже на ранних этапах в японские кружки изучения эсперанто часто входили китайцы, обучавшиеся в Японии, и в рамках такого общения знакомились не только с языком, но также с идеями анархизма и социализма. Характерно, что наиболее известным представителем эсперантистского движения в Японии стал вовсе не японец, а слепой русский писатель Василий Ерошенко, лекции которого в Японии собирали порой более тысячи слушателей (с. 106). Столь же характерно и то, что разведка сочла Ерошенко «наиболее опасным иностранцем на территории Японии», и в итоге он был депортирован. Депортация только добавила популярности писателю, среди эсперантистов и пацифистов он надолго стал воплощением «*хэймин*». Даже его слепота понималась метафорически как безразличие к расовым признакам, невозможность их разглядеть. После депортации, опять-таки благодаря эсперантистским связям, Ерошенко удалось на некоторое время обосноваться в Китае.

Другим интересным явлением, сопряженным с эсперанто, было распространение религии бахай, которое происходило чрезвычайно быстро в среде эсперантистов. Поэтому основным языком проповеди и богослужений для миссионеров этой религии в Японии стал эсперанто. Нерелигиозные носители языка способствовали этим проповедникам, считая, что новая религия также может быть полезной для объединения и уравнивания людей в правах.

После Первой мировой войны и революции в России эсперанто продолжил свое распространение, и к 1928 г. Япония насчитывала наибольшее число эсперантистов за пределами Западной Европы (с. 109). Различались литературное и научное направление. К примеру, в 1924 г. была основана Японская медицинская лига эсперанто. Язык использовался для общения на международных научных конференциях в Восточной Азии. Лекции эсперантистов уже собирали в отдельных случаях до 20 000 человек, а кружки в Токио и других городах включали помимо японцев китайцев, корейцев, французов и русских. Стремительно возросло число женщин, изучающих язык (с. 110). Хотя в Японии эсперантисты не подверглись таким жестким гонениям, как в СССР или Германии, к 1940-м годам движение вынуждено было ограничить свою деятельность.

А.А. Новикова

ИСТОРИЯ

2016.01.035–036. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОШЛОГО ИНДИИ: ОТ «ОРИЕНТАЛИЗМА» К ФУНДАМЕНТАЛИЗМУ.
2016.01.035. ВАНИНА Е.Ю. Индия: История в истории. – М.: Наука: Вост. лит., 2014. – 343 с.
2016.01.036. АЛАЕВ Л.Б. [Рецензия] // Восток. – М., 2015. – № 3. – С. 173–180. – Рец. на кн.: Ванина Е.Ю. Индия: История в истории. – М.: Наука: Вост. лит., 2014. – 343 с.

Ключевые слова: Индия; история; историография; национальное сознание; коммунализм.

Книга д-ра ист. наук Евгении Юрьевны Ваниной (Институт востоковедения РАН) (035) – историографическое исследование, особенностью которого является привлечение в качестве источников наряду с трудами профессиональных историков – и в еще большей мере – текстов политических и общественных деятелей, журналистов, а также современных артефактов массовой культуры. Предмет исследования определяется как «историческое сознание» индийцев, параллельно автором употребляется более широкое понятие «исторической культуры», выводящее за пределы собственно рационального восприятия прошлого.